

180
секунд

Читайте серии:

Мэгги Стивотер
«ВСЕ НЕЧЕСТНЫЕ СВЯТЫЕ»

Лэйни Тейлор
«МЕЧТАТЕЛЬ СТРЭНДЖ»

180
секунд

ДЖЕССИКА
ПАРК

Freedom
Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
П18

Jessica Park
180 SECONDS

Text copyright © 2017 Jessica Park
All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating
with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration
with Synopsis Literary Agency.

Парк, Джессика.

П18 180 секунд / Джессика Парк. — Москва : Эксмо,
2018. — 416 с. — (Young Adult. Бестселлеры).

ISBN 978-5-04-093175-0

Сколько нужно секунд, чтобы перевернуть твою вселенную?

Невозможно трогательный роман для тех, кто верит в любовь и романтику, от автора бестселлеров New York Times! Эта книга разобьет вам сердце, а затем поможет исцелить его вновь!

Элисон — ученица колледжа и сирота, которую недавно удочерили. Она умеет быть невидимкой, не сближаться с людьми и не заводить друзей.

Эбен — знаменитый блогер и звезда интернета. Используя свою популярность, он помогает людям и приходит на выручку в, казалось бы, безвыходных ситуациях.

Когда волею случая они встречаются на социальном эксперименте, призванном доказать, что если смотреть в глаза незнакомцу на протяжении лишь 180 секунд, то это может многое изменить в жизни, их миры сталкиваются самым непредсказуемым образом.

Сможет ли теперь Элисон открыться и пустить за воздвигнутые ею стены нового человека, а вместе с ним и любовь?

180 секунд достаточно, чтобы чужой человек стал самым родным.

180 секунд достаточно, чтобы навсегда изменить мир.

180 секунд достаточно, чтобы исцелить разбитое сердце.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Сергеева В., перевод на русский язык, 2018
© Оформление.

ISBN 978-5-04-093175-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ГЛАВА 1

МАЛЕНЬКАЯ ПТИЧКА

Я перешла на третий курс, а значит, до полной свободы осталось два года. Каждый день служит новым напоминанием о том, как сильно я отличаюсь от своих ровесников. Я постоянно ощущаю собственную неспособность быть общительной, веселой, эмоционально раскованной. Это нелегкое испытание — заточить себя здесь, — но я стараюсь по мере сил.

Саймон двадцать минут кружит по кампусу Эндрюс-колледж, прежде чем находит место для парковки. В первый день всегда жуткий хаос. Студенты вылезают из машин с полными руками сумок и коробок, машины стоят в два ряда по всей улице, родители, со слезами на глазах, бродят повсюду и теснятся на тротуарах. Поездка из Бостона на север штата Мэн заняла почти пять часов, и этот сентябрьский день больше похож на июньский. Добро пожаловать в Новую Англию. Кондиционер у нас слабый; я вспотела и теперь, выйдя из машины и наслаждаясь легким ветерком, пытаюсь незаметно высушить футболку.

— Извини, — виноватым тоном говорит Саймон. — Машина старенькая, но еще ничего.

Он стоит снаружи, напротив водительского места, смотрит вверх машины на меня и слегка улыбается, похлопывая по капоту. Вид у него удивительно свежий, невзирая на жару.

— Признаю, она не в лучшей форме для появления на публике. Но давай считать это чем-то вроде сеанса в сауне. Наверняка любая «Вольво» одобрила бы.

Я улыбаюсь и киваю:

— Конечно. Предпоследний курс должен начаться с ритуала очищения.

— То есть ты согласна? Прежде чем ты примешься проделывать тут всё, что положено в колледже, и загрязнишь свой организм. Ну, вечеринки, обеды в столовой... — Он машет рукой.

Я знаю: Саймон надеется, что я тоже пошучу.

Он старается изо всех сил, но обычно у меня не получается подыграть. Я знаю это, но ничего не могу поделать. Саймон не виноват — виновата я. Он очень хороший человек. Возможно, даже слишком хороший. Слишком понимающий, слишком щедрый.

«Саймон еще и мой отец», — мысленно напоминаю я себе.

Удивительно, как часто мне приходится вспоминать об этом. А ведь я же видела документы об удочерении. Господи помилуй, да я была там, когда они подписали бумаги и я официально — наконец-то — вышла из-под государственной опеки в зрелом возрасте шестнадцати с половиной лет.

Я замечаю свое отражение в окне машины. Длинные темные волосы собраны в хвост, который висит на спине свинцовой гирей, густая, мокрая от пота челка облепила лоб, щеки покраснелись.

Впрочем, это не от жары. Просто я волнуюсь. Мне надо попить.

Придется не только познакомиться с новой соседкой по комнате, но и расстаться с Саймоном. Я страшно не хочу устраивать неловкую церемонию прощания, но тем не менее решаю подбодриться и сделать всё, что в моих силах. Из меня получилась не очень хорошая дочь, однако я должна хотя бы попытаться. Саймон мне дорог, а я до сих пор не знаю, как сказать ему об этом.

Я вымученно улыбаюсь и обхожу машину.

— Думаешь, справимся за один раз? Если да, угощу тебя обедом.

— В вашей гнусной студенческой столовой? Не очень соблазнительно звучит, — отвечает Саймон, вытаскивая из багажника коробку.

Он улыбается, хоть и пытается это скрыть.

— Я буду переносить твои туфли по одной, лишь бы спастись от обеда в столовой.

— Вообще-то я имела в виду греческое кафе вон там, — заявляю я.

Чемодан, который я достаю из машины, совсем не тяжел. Я минималист и путешествую налегке.

Саймон выпрямляется, наклоняет голову набок и поднимает бровь, не в силах больше скрывать радость.

— Греческое кафе? Гирос? Хумус?

Я киваю:

— И баба гануш.

Саймон упирает коробку в бедро, чтобы освободить руку, и повышает голос.

— Хватай что можно и беги! Бери только самое необходимое! Лети быстрее ветра!

Он вытаскивает из машины небольшую сумку и устремляется к тротуару, выкрикивая через плечо:

— Скорее, Элисон! Нельзя тратить ни минуты!

Я смеюсь, забираю оставшиеся вещи из багажника и захопываю крышку. Саймон шутит, потому что на самом деле багажа больше нет. Мой приемный отец старается находить светлую сторону в том, что я неспособна всерьез к чему-то привязаться — и что взяла с собой ничтожную долю тех вещей, которыми другие студенты доверху набьют свои маленькие комнатки. Я вспоминаю, какой он добрый и понимающий, когда речь заходит о моих недостатках. В то время как большинство студентов тратят несколько часов на разгрузку машины и на то, чтобы забрать свои вещи из комнаты хранения, мы справились за пять секунд.

Мне не сразу удастся догнать Саймона — он убежал так далеко вперед, что я успеваю расстроиться от невозможности с ним поравняться. Мой чемодан хлопает по ступенькам и волочится по лужайке, когда я срезаю путь между университетскими постройками, чтобы добраться до корпуса, в котором буду жить.

Запахавшись, я дохожу до Кирк-Холла. Саймон сидит на коробке, такой небрежный и спокойный.

— Саймон, но как? — с трудом переводя дух, спрашиваю я. — Откуда... откуда ты знаешь, куда идти?

— На прошлой неделе я изучил карту кампуса. И вчера тоже на нее глянул. И сегодня утром, перед тем как ехать.

Саймон умудряется выглядеть всё так же небрежно и изящно, как обычно, и на его красной льняной рубашке нет ни единого пятнышка пота. Волосы, которые всегда стильно зачесаны назад со лба, ничуть не растрепались. Его безыскусное умение сохранять спокойствие, даже когда этого не требуется, достойно восхищения.

Большие солнечные очки поворачиваются ко мне.

— Я был здесь всего несколько раз. Но не могу же я вести себя как заурядный неуклюжий родитель, который слепо идет за своим отпрыском. Я должен хотя бы выглядеть так, как будто знаю, что делаю.

Мне становится стыдно, что я редко приглашала его в гости за последние два года. Может быть, в этом году будет по-другому. Может быть, мы станем чуть ближе. Хорошо бы.

Сердце перестает бешено колотиться, но я обливаюсь потом.

— Значит, ты думал, что тебе придется, как сумасшедшему, нестись по кампусу?

Саймон ухмыляется:

— Да! Ну что, давай посмотрим твою комнату.

Прошлой весной я очень надеялась вытянуть удачный номер и получить одноместную комнату, о которой так мечтала, но — что неудивительно — мой

номер оказался на самом дне. Я прождала несколько часов в очереди, чтобы выбрать себе комнату на скверно нарисованной схеме — и в результате обнаружила, что все одноместки уже заняты. Неужели жилье в общежитии нельзя распределить онлайн! Я последними словами ругала допотопную систему, пока изучала оставшиеся варианты. Дежурный несколько раз спрашивал, есть ли у меня подруга, с которой я могла бы поселиться, и я сначала пыталась от него отмахнуться, а потом буквально рявкнула:

— Нет! Понятно?! Нет, мне не с кем поселиться! Вот почему мне нужна одноместка!

Кто-нибудь сказал бы, что незачем было устраивать сцену, но я слишком переволновалась, чтобы об этом думать. Наконец я выбрала место в номере на двоих. По крайней мере, мне полагалась отдельная спальня. Входить и выходить предстояло через маленькую общую гостиную, но я подумала, что, наверно, без особых усилий смогу уединиться. В минуты просветления я даже смела надеяться, что мы с моей загадочной соседкой поладим.

Чудеса иногда случаются. И все-таки сегодня я боюсь встречи с ней.

Чтобы расписаться внизу и взять ключ, уходит лишь две минуты. И вот я с осязаемым трепетом вхожу в свое обиталище на первом этаже.

Саймон смеется, услышав мой громкий вздох.

— Радуетесь, что никого пока нет?

Я вкатываю чемодан в одну из пустых спален и плюхаюсь на твердую, как камень, чудовищную оран-

жевую кушетку в гостиной. Саймон приносит из моей комнаты крутящийся стул, ставит его передо мной и садится.

— Почему ты так волнуешься?

Сложив руки на груди, я оглядываю бетонные стены.

— Я не волнуюсь. Она, наверное, хороший человек. Мы обязательно станем лучшими подругами, и она будет заплетать мне волосы, и мы, почти голые, будем драться подушками, а потом у нас начнется серьезный лесбийский роман...

Прищурившись, я смотрю на паутину в углу и подозреваю, что из яиц вот-вот вылупятся паучата и заполнят всю комнату.

— Элисон? — Саймон ждет, когда я повернусь к нему. — Это исключено. Ты не имеешь права стать лесбиянкой.

— Почему?

— Потому что тогда все скажут, что твой приемный отец-гей волшебным образом изменил твою ориентацию, начнутся пересуды, нам придется слушать рассуждения про природу и воспитание, и это будет о-о-очень скучно.

— Ты прав, — отвечаю я и жду, когда паучьи яйца посыплются с неба. — Значит, лучше предположить, что моя соседка просто нормальный приятный человек, с которым я не захочу вступать в сексуальные отношения.

— О да, — подтверждает Саймон. — Не сомневайся, она окажется славной девушкой. Сильные гума-

нитарные колледжи привлекают хороших студентов. Здесь отличные ребята.

Он пытается успокоить меня, но получается плохо.

— Конечно, — отвечаю я.

Мои пальцы касаются узловатой оранжевой ткани, которой обтянута кушетка, набитая, судя по всему, булыжниками.

— Саймон...

— Что, Элисон?

Я несколько раз перевожу дух, теребя нитки на этой ужасной кушетке.

— У нее, наверное, рога.

Он жмет плечами.

— Вряд ли.

Саймон делает паузу.

— Хотя...

— Хотя — что? — в ужасе спрашиваю я.

Долгое молчание, от которого я начинаю волноваться. Наконец Саймон медленно произносит:

— А вдруг у нее один рог.

Я вскидываю голову и смотрю на него.

Саймон всплескивает руками, явно пытаясь меня развеселить.

— Как у единорога! Боже мой! Твоя соседка может оказаться единорогом!

— Или носорогом, — замечаю я. — Жутким кроваж- жадным зверем.

— Ты права, — подтверждает Саймон.

Я вздыхаю.

— С другой стороны, если мне вдруг захочется по-

чесать спинку, вся кушетка к моим услугам. — Я прижимаюсь к грубой ткани и скидываю руки, прежде чем Саймон успевает возразить. — Да, знаю. Я просто воплощенный позитив.

— Для меня это не новости. — Синие глаза Саймона встречаются с моими.

Лицо у него загорелое и обветренное (он целое лето провел под парусом, в море, у побережья Массачусетса), каштановые волосы выгорели в тех местах, где еще не сменились сединой. Нужно ездить с ним чаще. В следующем году, наверно в следующем году...

— По-моему, чесалка для спины — это настоящая роскошь, которую предоставляет тебе Эндриус-колледж, — говорит он. — Наслаждайся.

Обводя взглядом бетонные стены, я принимаю решение дать неизвестной соседке шанс. Я заставлю себя быть открытой и дружелюбной. Вдруг мы окажемся похожи. Конечно, нет нужды превращать наше случайное знакомство в настоящую, всеобъемлющую дружбу, потому что у меня уже есть лучшая подруга, Стеффи, и в моем сердце больше ни для кого не хватит места. Но хорошие отношения с соседкой по комнате — это и правда может быть очень приятно.

Ну, не будем торопить события. Меня устроит и вариант «терпимо».

В дверь громко стучат, и она распахивается. В комнату заглядывает рослый парень с растрепанной бородкой и рядами бус на шее.

— Привет, ты Элисон?

Я киваю:

Он сияет.

— Круто! Приятно познакомиться. Я Брайан, староста корпуса. Короче, добро пожаловать. Мы рады, что ты живешь в Кирк-Холле. Год будет клевый.

Он тычет кулаком в воздух, и я стараюсь не морщиться.

— Слушай, подружка, один нюанс. Твоя соседка. С ней небольшая неувязка.

— В каком смысле? — спрашиваю я.

— Ну, типа, она в этом году не вернется в колледж. Какая-то там экспедиция в Антарктиду к морским леопардам. — Он корчит рожу. — По-моему, это какие-то мерзкие твари. Но, типа, несколько месяцев она будет сидеть в лаборатории и изучать их теоретически, а потом поедет, чтобы познакомиться с ними лично.

Саймон морщит лоб.

— Морские леопарды?

— Ну да. — Парень в бусах щиплет себя за переносицу. — Наверно, воняют. Так что в этом году ты, птичка, видимо, будешь летать одна.

Вдруг он широко улыбается.

— Кстати! Сегодня отмечаем начало учебного года! В холле на третьем этаже! Ну, пока.

Он тычет в меня пальцем и исчезает, хлопнув дверью.

Саймон, кажется, потрясен исчезновением моей соседки, зато я приободряюсь.

Я маленькая птичка, которая в этом году будет летать одна!

— Ну что, пошли есть пахлаву, — говорю я с преувеличенным энтузиазмом.

— Элисон...

— Что? А. — Я заставляю себя принять унылый вид и не показывать, что вообще-то нынешний поворот событий меня устраивает. — В смысле, да, было бы очень приятно жить вместе с кем-то, но... всё нормально. Не сомневаюсь, у этой девушки будет необыкновенный год. Я рада за нее. А ты знал, что морских леопардов также называют леопардовыми тюленями? По-моему, это гораздо лучше звучит.

Саймон воздевает руки.

— Нет, не знал.

Он явно подбирает слова.

— Слушай, я в курсе, что ты не любишь людей, но это не значит, что надо радоваться, если...

— Если кто-то предпочел провести год в ледяной тундре, изучая опасных и злобных животных, вместо того чтобы жить в одной комнате со мной?

Саймон грустнеет.

— Да. Но дело же не в том, что она знала тебя... и отвергла. Она просто воплощает свою мечту, ну или что-нибудь такое.

Мы сидим молча, и наконец мне становится так неудобно на твердой кушетке, что я встаю и подхожу к двери комнаты, где могла бы жить моя соседка. Я прислоняюсь головой к косяку и принимаюсь рассматривать пол.

— Жаль, что я не люблю людей. И, наверно, не стоит искренне радоваться, что я буду жить одна.